

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

MEMENTO VIVERE

Сборник памяти

А. Н. Ивановой

Составители и научные редакторы
К. А. Кумпан и Е. Р. Обатнина

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2009

Андрей Зорин

«ВЕНСКИЙ ЖУРНАЛ» АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА

Документ, который публикуется в этой статье, самым непосредственным образом связан для меня с памятью о Ларисе и биографически, и по своему содержанию. С тех пор как почти четверть века назад Лариса, по одновременным рекомендациям К. Азадовского и А. Осовата, взяла меня под свое покровительство, и до настоящего времени рукописи Андрея Тургенева составляли один из главных предметов моих занятий в пушкинодомском архиве. В 80-е годы бóльшая часть sacramентального триста девятого фонда еще не была как следует описана, и его материалы выдавались только при условии, что номер единицы хранения был откуда-то заранее известен интересующемуся исследователю. Само собой разумеется, мои чаяния и вожделения простирались куда дальше нескольких дел, ссылки на которые уже были введены в оборот предшественниками, и Лариса со спокойной и самоотверженной щедростью, которая столь памятна тем, кто ее знал, в каждый мой приезд изыскивала возможность незаметно положить на мой стол маленькую черную тетрадку со служебной описью, откуда я мог списать заветные цифры. Дальше требования оформлялись уже вполне рутинным и законным образом. Как и многие другие поступки Ларисы, это было для нее довольно рискованным предприятием — когда моя первая «тургеневская» статья готовилась к печати¹,

¹ См.: Зорин А. У истоков русского германофильства // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995—1996. С. 8—35.

Лариса строго-настрого запретила мне благодарить ее за помощь.

Надеюсь, что публикация документа, о самом существовании которого без ее помощи мне, скорее всего, не удалось бы узнать, будет хотя бы слабым знаком моей признательности за двадцать лет ее неизменной дружеской поддержки.

Основную часть рукописного наследия Андрея Ивановича Тургенева (1781—1803) составляют его дневники², в которых отразились во многом новаторские для русской культуры практики психологической рефлексии и душевного самоанализа³. На фоне этих глубоко интимных документов его «журналы» — путевые заметки в письмах друзьям выглядят на первый взгляд более конвенционально и в целом вписываются в традицию, созданную «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина. По-видимому, Тургенев ясно ощущал эту линию преемственности и слегка тяготился ею: «...это уж слишком по-Карамзински», — комментирует он в публикуемом тексте один из своих перифрастических оборотов. «Журналов» Тургенева сохранилось два, и оба они связаны с опытом его службы при русской миссии в Вене, куда Тургенев дважды ездил в качестве дипломатического курьера.

В первый раз Тургенев выехал из Петербурга 6 февраля 1802 г.⁴ и прибыл в Вену 17 февраля (1 марта по европейскому календарю). Установить точную дату его отъезда из Вены не представляется возможным. Последняя запись «Журнала» («Укладывают мои вещи») датирована 23 февраля/9 марта, но эта дата явно ошибочна, поскольку 23 февраля по старому стилю соответствует не 9, а 7 марта европейского календаря. Цифры сойдутся, если предположить, что неизвестный переписчик рукописи прочитал дату: 25 февраля как 23. Во всяком

² Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 309. Ед. хр. 271, 272, 1239, частично 276.

³ См.: *Топоров В. Н.* Два дневника (Андрей Тургенев и Исикаро Такубоку) // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. С. 78—99. См. там же публикацию большого фрагмента дневника: Из дневника Андрея Ивановича Тургенева / Публикация и комментарии М. Н. Виролайнен. С. 100—139.

⁴ См.: *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 401.

случае, 14 марта по русскому календарю Тургенев записал в своем петербургском дневнике: «В один месяц съездил я в Вену»⁵. Можно предположить, что он прибыл в Петербург незадолго до этого, а значит должен был выехать из Вены в конце февраля—начале марта по старому стилю.

Второе пребывание Тургенева в Вене было более продолжительным. Он отправился туда вскоре после 17 мая 1802 г.⁶, а вернулся в Петербург 1 февраля 1803 г.⁷ Неудивительно, что оно гораздо полнее отразилось в его бумагах: дневнике, охватывающем период с начала сентября до конца его венской жизни⁸, письмах родителям⁹ и А. С. Кайсарову¹⁰, а также журнале, рассказывающем о его летней поездке с посланцем в Карлсбад и последующей жизни в Вене¹¹. Журнал этот Тургенев писал в подражание «Письмам русского путешественника» в форме писем В. А. Жуковскому и А. Ф. Мерзлякову, однако 14/26 января 1803 г., незадолго до отъезда из Вены, он отправил его в Геттинген брату Александру и А. С. Кайсарову¹².

В то же время публикуемый «Журнал» — единственное, если не считать краткого письма отцу от 19 февраля 1802 г.¹³, сохранившееся свидетельство о его первом заграничном путешествии.

Адресат «Журнала» («любезный друг мой») может быть с большой степенью вероятности установлен по его содержанию. Тургенев пишет в Москву, между тем как его самый близкий друг Андрей Сергеевич Кайсаров находился в то время в Петербурге вместе с братом Тургенева Александром¹⁴.

⁵ Восток — Запад. С. 119.

⁶ Там же. С. 127.

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1238. Л. 57.

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1239.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1238.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 840.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1240.

¹² РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1239. Л. 52об. Восторженный отзыв Александра об этом журнале в его дневниковой записи от 22 января / 3 февраля см.: *Тургенев А. И. Дневник // Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. СПб., 1911. С. 186. Подробнее об этом см. в комментарии В. М. Истрина к этой записи (там же. С. 487—488).*

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1238. Л. 5.

¹⁴ См.: *Истрин В. М. Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев // Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 122—125.*

Карлсбадский журнал Тургенева¹⁵ был, как уже говорилось выше, адресован В. А. Жуковскому и А. Ф. Мерзлякову, однако чрезвычайно загруженный в ту пору преподаванием в университетской гимназии Мерзляков плохо подходит под описание человека, обладающего «независимостью» и «свободой располагать собой и своим временем». В то же время такая формула идеально соответствует сложившемуся в сознании Тургенева образу Жуковского, чью службу в соляной конторе оба они в ту пору воспринимали как синекуру. За неделю до отъезда в Вену Тургенев писал Жуковскому: «Но ты, кажется, не можешь не быть доволен своей участью. Уединение, независимость, легкая должность. В перспективе весна и деревья!»¹⁶. Стоит добавить, что Жуковский был конфидентом Андрея Ивановича в нелегкой истории его романа и помолвки с Екатериной Михайловной Соковниной, разворачивавшейся непосредственно перед его первым отъездом в Вену¹⁷.

Разумеется, такая адресация носила достаточно условный характер — тургеневские журналы предназначались для чтения всем кружком молодых друзей автора, а, возможно, и за его пределами. Во всяком случае, Жуковский полагал, что он, по крайней мере в извлечениях, достоин публикации. После смерти Андрея Ивановича в 1803 г. он просил его отца Ивана Петровича разрешения «сделать выбор из писем А. И. (...) и быть их издателем», а, начав через несколько лет исполнять обязанности издателя журнала «Вестник Европы», спрашивал Александра Ивановича Тургенева: «Нет ли чего в бумагах братниных? Я думаю некоторые статьи из сего журнала, писанного в чужих краях, могли бы годиться»¹⁸.

Этим намерениям не суждено было осуществиться, однако в 1808 г. Жуковский вновь писал Александру Тургеневу:

«Костогоров (старый приятель Тургеневых и сестер Соковниных. — А. З.) просил тебя о журнале брата, писанном в

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1240.

¹⁶ Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому. С. 396.

¹⁷ См.: Восток — Запад. С. 101—130; Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому. С. 391—400 и др.

¹⁸ Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 11, 35.

Вене для А⟨нны⟩М⟨ихайловны⟩, а не для К⟨атерины⟩ М⟨ихайловны⟩. Доставь ко мне, если хочешь, а то лишь об этом напиши. К. М. не все можно показывать, ты сам знаешь»¹⁹.

Под «журналом брата, писанном в Вене», Жуковский не мог иметь в виду дневник, который Андрей Иванович вел с сентября 1802 г.²⁰, где, в частности, довольно откровенно рассказывается о его романе с баронессой по имени Фанни. Если Жуковский вообще был знаком с этим документом, он, безусловно, не считал бы его подходящим чтением не только для невесты Тургенева, но и для ее сестры. Вполне вероятно, что речь шла о журнале путешествия в Карлсбад, хотя в нем записи, посвященные собственно Вене, не составляют большей части текста. Но возможно, Анна Соковнина, Костогоров и Жуковский интересовались именно венским журналом февраля 1802 г., хранившимся, так же как и карлсбадский журнал, у младшего брата покойного²¹. Во всяком случае именно эта рукопись, единственная из всех оставшихся от Андрея Ивановича, дошла до нас в копии и со следами редакторской обработки.

Мы можем только строить предположения относительно того, что именно здесь Жуковский считал неуместным показывать Екатерине Соковниной. Возможно, ему казалось, что невесту покойного друга могло задеть то, насколько малое место в записях Тургенева занимала только что пережитая им драма любви и разлуки и насколько не хотелось ему возвращаться на родину.

Неизвестно, кем именно и когда была изготовлена копия, по которой печатается «Венский журнал». Во всяком случае, почерк, которым она написана, не принадлежит ни Жуковскому, ни Александру Тургеневу, ни Кайсарову. Обнаружить подлинный текст пока не удалось. Также неясно, самому ли Андрею Ивановичу или кому-то из его друзей принадлежит своего рода литературная обработка журнала, отразившаяся,

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1239.

²¹ 14/26 января 1803 г. Тургенев записал в дневнике, что «ходил на почту и отправлял к брату свой журнал» (РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1239, Л. 52об.), но установить, о каком именно документе идет речь, не представляется возможным.

в частности, в финальной записи, сделанной в Петербурге и отчетливо ориентированной на последний фрагмент «Писем русского путешественника» («Берег! отечество! благословляю вас! Я в России...»²²).

Не исключено, что в тексте «Венского журнала» можно обнаружить и другое свидетельство позднейшей редакции. Дело в том, что два драматических спектакля, о которых рассказывает Тургенев: «Эмилия Галотти» Лессинга и «Служебный долг» Иффланда, действительно шли соответственно 4 и 6 марта нового стиля в Kärntnertheater — одном из двух зданий, где играла труппа венского придворного театра²³. Напротив, опера Моцарта «Волшебная флейта», о которой говорится в записи от 5 марта, в этот день не исполнялась; если верить авторитетному справочнику Ф. Хадамовски, в Kärntnertheater в этот день шел другой спектакль, а в Burgtheater никакого представления не было²⁴. Этому противоречию можно подыскать разные объяснения, например, предположить ошибку в справочнике или какое-то, не отразившееся в источниках, исполнение оперы на нетрадиционной площадке. Однако не исключено, что в журнал была задним числом перенесена более поздняя запись Тургенева, зафиксировавшая его впечатления от посещения оперы Моцарта во время его второго пребывания в Вене. В эти месяцы «Волшебная флейта» исполнялась дважды — 20 июня и 8 июля²⁵.

Если последнее предположение верно, то фраза в записи 6 февраля о том, как автор «с восторгом смотрел на обвороченную флейту», также является позднейшей интерполяцией.

Как бы то ни было, театральные впечатления занимают центральное место в «Венском журнале». Завзятый театрал, Тургенев описывал виденные им спектакли в своих московских и петербургских дневниках и письмах друзьям. «Самые

²² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 388.

²³ Hadamowsky Franz. Die Wiener Hoftheater. Statstheater: 1776—1966. Verzeichnis der aufgeführten Stücke mit Bestandsnachweis und täglichen Spielplan: Bds 1—2. Bd 1: 1776—1810. Vienna, 1966. S. 28, 36.

²⁴ Hadamowsky Franz. Täglichen Spielplan der Hoftheater 1776 Bis Ende 1810. Vienna, 1966. 46—47.

²⁵ Hadamowsky Franz. Die Wiener Hoftheater... Bd 1: 1776—1810. S. 143.

лучшие и способные к добрым решениям минуты имел я, может быть, в Театре»²⁶, — написал он в одной из первых своих дневниковых записей. Попасть в немецкий театр всегда было для него заветной мечтой. Воображая свою жизнь в Германии, он прежде всего представлял себе «театр, где они играют *Сына любви, Cab(ale) u(nd) Liebe*²⁷ (...) поднимается занавес, я смотрю, сравниваю, разведываю и, проведши вечер с удовольствием (...) возвращаюсь домой и описываю Моск(овским) друзьям все, что видел»²⁸.

Позднее Андрей Кайсаров писал ему в Вену, что завидует тому, что Тургенев может увидеть «Коварство и любовь» на немецкой сцене²⁹. Однако увидеть на немецкой сцене Шиллера Тургеневу не довелось. Из всех шиллеровских пьес в венском театре по цензурным соображениям шла в то время только сильно сокращенная и переделанная «Орлеанская дева»³⁰, но и ее постановки не совпали со временем пребывания Тургенева в столице империи Габсбургов³¹.

Тем не менее можно сказать, что с репертуаром Тургеневу в целом повезло. Прославленная трагедия Лессинга «Эмилия Галотти» вызывала у него огромный интерес. Как известно, именно эту пьесу читал в день самоубийства гётевский Вертер — любимый литературный герой Андрея Ивановича, с которым он многие годы стремился себя отождествить. «Эмилию Галотти» переводил на русский Карамзин, который в 1791 г. на страницах «Московского журнала» с восхищением отозвался об исполнении роли Одоардо Померанцевым:

«Господин Померанцев (...) ни в какой роли столько не удивляет нас своими дарованиями, как в роли Одоардо (...) Какая величавость, какая мужественность в его поступи, в его телодвижениях, когда он выходит на сцену! В жалобном разговоре видно искусство его так же, как и в жарком. Пусть покажут нам актера, который превзошел бы Померанцева в игре

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 271. Л. 4об.

²⁷ «Сын любви» — пьеса А. Коцебу. «Kabale und Liebe» («Коварство и любовь») — мелодрама Ф. Шиллера.

²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 271. Л. 21об.

²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 50. Л. 48об., 58.

³⁰ См.: Yates W. E. Theatre in Vienna: A Critical History. Cambridge, 1996. P. 32—33.

³¹ Hadamowsky Franz. Die Wiener Hoftheater... Bd 1: 1776—1810. S. 68.

глаз, в скорых переменах в лице и голосе! (...) Как пылают глаза его, как гремит его голос, когда он произносит свое заклинание: “Пусть каждое сновидение являет ему окровавленного жениха, ведущего к ложу его невесту свою, и когда он уже прострет к ней сладострастные свои объятия да услышит посмеяние ада и пробудится!”»³².

Тургенев помнил и перевод Карамзина, и эту рецензию. 12 января 1800 г. он писал Андрею Кайсарову из Москвы:

«Как мне жаль, что тебя в понедельник не будет, и что ты не увидишь *Эмилии Галотти*. Ведь ты ее никогда не видал; тут-то надобно и видеть Померанц(ева), особливо в последних сценах, а особливо за несколько лет, то есть лет за десять; и прошлого году я видел, очень хорошо, а теперь может быть, еще больше постарается, да постыдятся и посрамятся врази его, и потому что его бенефис»³³.

Упоминание о том, что «лет за десять» Померанцев, возможно, играл сильнее, несомненно отсылает к карамзинской рецензии, а в «Венском журнале» Тургенев цитирует в карамзинском переводе реплику Одоардо, которая некогда потрясла и самого Карамзина, и выражает убежденность в том, что эта фраза удастся Померанцеву лучше, чем ведущему актеру венской театральной труппы Брокману, исполнявшему ту же роль. Отметим, что мелкие неточности в цитировании свидетельствуют о том, что Тургенев воспроизводил русский текст Лессинга по памяти.

Для характеристики театральных вкусов Тургенева исключительно интересна проведенная им языковая параллель. Не найдя точного перевода немецкого слова *Gedämpfter*, Тургенев приводит его в скобках, а по-русски передает его как «выразительней». Очевидно, что перевод этот вызывающе неточен. Можно предположить, что Андрей Иванович находил актерскую мансру Померанцева более сдержанной, приглу-

³² Карамзин Н. М. Эмилия Галотти // Карамзин Н. М. Избр. сочинения: В 2 т. Т. II. М.; Л., 1964. С. 87. См.: Кряжмская И. А. Театрально-критические статьи Н. М. Карамзина в «Московском журнале» // XVIII век: Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 270—275.

³³ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 840. Л. 32об.

шенной, так сказать «демпфированной», и именно это делало ее в его глазах более «выразительной».

Через два дня Тургенев вновь смотрел в том же театре, также с Брокманом в главной роли, «Служебный долг» (Dienstpflcht) Августа Вильгельма Иффланда. Подобно Шиллеру и Лессингу, Иффланд был давней любовью Тургенева и как драматург и как актер. 6 декабря 1799 г. он записал в дневнике:

«Говорили много об Иффланде. Великий человек, во всякой роле он то, что должен быть. В *Sonnenjungfrau*³⁴ он настоящий первосвященник, а там какой-нибудь смешной управитель, он King Lear Шекспиров, он и Франц Моор и везде неподражаемый, единственный!

Как бы я желал видеть его Леаром, Первосвященником, управителем и Фр. Моором и везде. Возвращаясь, у меня родилось желание непременно перевести *Verbrechen aus Ersucht*³⁵ и посвятить ему. Я вообразил себе тихую, спокойную жизнь, которую бы я вел в Hambourg, напр(имер), или в Дрездене, или в Вене, и с каким бы тщанием в этой спокойной, мирной, приятной жизни исправлял я и приводил в совершенство труды свои.

И как бы мне после приятно было посвятить ему этот перевод в знак моего к нему сердечного почтения и любви.

За тот дух доброты, сердечной нравственности, привлекательности и великого человека, который виден в его сочинениях! И естли б, наконец, я имел счастье быть знаком с ним лично, ходить к нему, проводить у него вечера, и заслужить от него отличие и любовь его»³⁶.

Особого внимания заслуживает безусловное предпочтение, которое Тургенев оказывает в «Венском журнале» Иффланду перед Коцебу, драматургом, которого он переводил и которым одно время также восхищался³⁷. Теперь Тургенев воспринимает мелодрамы Коцебу как литературу, доступную

³⁴ «*Sonnenjungfrau*» («Дева солнца») — название пьесы Коцебу.

³⁵ «Преступник из честолюбия» (нем.) — пьеса А.-В. Иффланда.

³⁶ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 271. Л. 25—25об.

³⁷ *Guiseman G. Kotzebue in Russland: Materialien zu einer Wirkungsgeschichte.* Frankfurt am Main, 1971. S. 128—142.

«и самому необразованному человеку; между тем как Ифландова пьеса может быть не имела бы никакого успеха на нашем Московском театре». Впрочем, отношение Тургенева к Коцебу оставалось достаточно противоречивым: уезжая из Вены, он сетовал больше всего на то, что не увидит в венском театре Брокмана в драме Коцебу «Бедность и благородство души». Эта пьеса, пользовавшаяся огромным успехом в России³⁸, сохраняла для него свое обаяние. Позднее, в свой второй приезд в Вену, посмотрев «Несчастных» Коцебу, он писал:

«Коцебу скучен, утрирован, множество лиц, характеров, везде утомительное единообразие и все вышли из пределов натуральности, все утрированы до крайности. Но есть в нем un certes ne sais quoi, отчего будешь бранить его пьесу, но пойдешь смотреть ее и не в первой раз»³⁹.

Нет смысла подробно комментировать все венские впечатления Тургенева. Остановлюсь еще лишь на одном аспекте, связанном не столько с местопребыванием, сколько с личностью автора. Господствующей психологической краской, определяющей настроение двадцатилетнего создателя «Журнала», оказывается ностальгия. «И в самой горести нас может утешать / Воспоминание минувших дней блаженных», — цитирует он свою «Элегию», посвященную старшей сестре Екатерины Соковниной Варваре Михайловне, не выдержавшей тоски по покойному отцу и ушедшей из дому, чтобы найти убежище в монастыре. Тургенев закончил «Элегию» в мае 1802 г., вернувшись на время из Вены в Петербург, но на протяжении работы над ней, продолжавшейся около полутора лет, он знакомил с черновыми вариантами близких друзей⁴⁰.

Точно так же последняя запись в «Венском журнале» рассказывает о посещении Тургеньевым посольской церкви, где служил Андрей Афанасьевич Самборский — живая легенда русской церкви, законоучитель императора Александра Пав-

³⁸ Там же.

³⁹ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1239. Л. 21об.

⁴⁰ См.: Восток — Запад. С. 127; Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому. С. 357—358.

ловича и его брата Константина Павловича⁴¹. Самборский приехал в Вену из Офсна, предместья Будапешта, где он был настоятелем православной церкви и где годом раньше умерла при родах и была похоронена восемнадцатилетняя великая княгиня Александра Павловна, жена австрийского эрцгерцога Иосифа. Тургенев «долго долго смотрел на картину, представляющую (...) Александру Павловну — во гробе, особенно на мертвое лицо ее». Свои впечатления он выразил цитатой из «Новой Элоизы» Руссо об обреченности всего прекрасного на земле. Цитата эта была в то же время и автоцитатой: именно эти слова Руссо Тургенев использовал в качестве эпиграфа для своей «Элегии», посвященной Варваре Соковниной. Нет сомнения, что Жуковский и другие потенциальные читатели «журнала» могли без труда восстановить оба этих контекста.

Однако вполне характерный для эпохи элегический вздох, поиск утешения в воспоминаниях о безвозвратно ушедшей радости — только часть той радикальной ностальгической программы, которую набрасывает Тургенев в «Венском журнале». В своем эмоциональном анализе он идет дальше, утверждая, что только утрата и позволяет человеку почувствовать цену пережитого, и, в конечном счете, ретроспективно придает смысл жизненному опыту:

«Не желай перемены судьбы твоей, или желай только для того, чтобы почувствовать еще живес всю ее цену (...) Благодарю судьбу даже и за разлуку с вами. Я бы никогда не был так привязан к друзьям моим, если бы с ними не расставался; и будучи всегда в Москве, я бы никогда может быть столько не любил ее, и никогда бы не чувствовал того, что теперь чувствую»,

— пишет он Жуковскому в «Венском журнале». Соответственно, оценить и прочувствовать настоящее оказывается возможным только, если увидеть его из будущего в перспективе неизбежного расставания. Отчетливо Тургенев напишет об этом годом позже, вернувшись в Петербург из второй венской

⁴¹ См.: *Кросс А. Г.* Василий Петров в Англии (1772—1774) // XVIII век: Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 233.

поездки, и всего за три месяца до собственной безвременной смерти:

«Приходит весна и я чувствую, что она приходит. Ах! должно благодарить, и с нежностью благодарить судьбу и за это чувство, и за это кроткое, меланхолическое, сладкое чувство. Будет время, когда и с ним должно проститься.

Теперь-то посвящаются элегии прошедшему, минувшему быстро и невозвратно. Тогда-то смягчаются печали сердечные, и чувство горестного, но приятного умиления, заступает их место.

Какая очаровательная сила прошедшего, когда переношусь теперь в венские дни, нахожу те же заботы, те же неприятности, отчего же они так милы?

Но все прошедшее, почти все еще так же мило. Иное больше другого»⁴².

Намеченный здесь эмоциональный комплекс, нашедший свое каноническое воплощение в пушкинском «Если жизнь тебя обманет» (1825), до сегодняшнего дня звучит в русской поэзии:

... теряя
(пусть навсегда)
что-либо, ты
не смей кричать о преданной надежде:
то Времени, невидимые прежде,
в вещах черты
вдруг проступают, и теснится грудь
от старческих морщин; но этих линий —
их не разгладишь, тающих как иней,
коснись их чуть.

(И. Бродский. Разговор с Небожителем)

Когда два с небольшим столетия назад после смерти Андрея Тургенева его близкие переписывали и перечитывали его журнал, он хранил для них память об ушедшем друге. Теперь в копии этого документа проступают «невидимые прежде» черты совсем иного времени и память о Ларисе, не оставляющая на нашу долю ничего, кроме все вытесняющей ностальгии.

⁴² РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1239. Л. 58об.—59.

КОПИЯ С ЖУРНАЛА А:И:Т:
1802 ГОДА¹

17 февраля / 1-ое марта

Наконец мы и в Вене, любезный друг мой! Не больше получаса, как я возвратился от нашего Посланника Графа Р.² Долго дожидались мы его в передней; взоры мои везде встречали пышность и богатство. Сначала признаюсь, обыкновенная застенчивость моя, от которой я никак не могу отвыкнуть, овладела мною. Делать было нечего; и я стал философствовать, хотя и по неволе, потому, что не это первое должно бы прийти в голову человеку, который одиннадцать суток сряду скакал день и ночь. Я сравнивал в мыслях моего Графа с каким-нибудь славным писателем, к которому я пришел знакомиться; и блестящие покои его с тихим кабинетом последнего. У одного все было чужое и он всего мог в одну минуту лишиться, другой всему придавал цену собою; никакая земная власть не могла лишит последнего того, что заставляло лишь уважать его; первый ничем от себя собственно не зависел; последний старался бы узнать во мне *человека*, не уважая предразсудков светского общества; первый может быть оскорбил бы... но продолжай если хочешь сам это сравнение; а я между тем прошусь я тобой до завтрашняго дня; завтра может быть опишу тебе здешний редут, и себя самого в редуте.

18 февраля / 2 марта
Утро

Поверишь ли ты, мой друг, что я с самой завидной стороны представляю себе теперь твой образ жизни? Эта независимость эта свобода располагать собою и своим временем; тихой, уединенной угол твой — мой друг! не желай перемены судьбы твоей, или желай только для того, чтобы почувствовать еще живее всю ее цену.

Больше часа как я сижу здесь один, в большой, холодной комнате, и собираюсь идти к послу. Я занимался бы самыми неприятными, печальными мыслями, если бы не пришла мне вдруг мысль о прошедшей жизни моей, мысль о том, что я возвращусь когда-нибудь и в Москву, и что все любезнейшие для меня предметы снова оживут в глазах моих, так как они ожили теперь в моем сердце. Почти во всю дорогу это меня занимало. Москва! Москва! Когда я говорю об этом с тобою и не могу почти удержать слез моих, то

¹ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 272. Л. 91—97об.

² Граф Андрей Кириллович Разумовский (1752—1816) — русский посол в Вене.

утешаюсь во всем, и благодарю судьбу даже и за разлуку с вами. Я бы никогда не был так привязан к друзьям моим, если бы с ними не расставался; и будучи всегда в Москве, я бы никогда может быть столько не любил ее, и никогда бы не чувствовал того, что теперь чувствую.

Но что же всего больше меня смущает? То, что я несвободен. Вместо того чтобы идти, одевши кое-как бродить и разсматривать город, я должен, как говорится, во всей форме, идти по должности к Графу, и вероятно, представлять там довольно смешную фигуру. Одним словом: начало моего пребывания здесь очень невесело; почему знать? может быть это хороший знак для будущего; а между тем:

И в самых горестях нас может утешать
Воспоминание минувших дней блаженных!³

20 февраля / 4 марта

Сей час только, мой любезнейший друг, пришел я из театра. Представляли *Эмилию Галотти*⁴, и я провел несколько очень, очень приятных часов. Одардо играет здесь Брокман⁵, и я был очень доволен его игрою. Он произносил и играл сильнее нашего Померанцева⁶; но Померанцев в многих местах играет выразительнее (*gedämpfter*) напр(имер) он гораздо лучше, гораздо ужаснее произносит слова: и когда он прострет к ней сладострастные свои объятия, то да услышит он посмеяние ада, и пробудится⁷! и вообще в голосе и физиогномии его больше изменений; но в конце пьесы Брокман играет, кажется, гораздо его сильнее. Все актеры, кроме Эмилии, соответствовали игре его, и составляли превосходное целое. Между прочими мать и графиня Орзина играли прекрасно. Последняя кажется понимала роль свою, и умела выразить ее превосходно.

Я еще не осмотрелся в Вене. Третьего дня провел я всю ночь в редуте⁸ и видел всю венскую публику; всего забавнее для меня

³ Строки из стихотворения Андрея Тургенева «Элегия».

⁴ «Эмилия Галотти» — тираноборческая трагедия Э.-Г. Лессинга (1772).

⁵ Иоганн Франц Брокман (1745—1812) — актер и директор венского театра. С 1800 г. перешел на роли отцов. В пьесе Лессинга исполнял роль Одоардо (у Тургенева — Одардо), отца Эмилии, в конце трагедии закальвающего собственную дочь по ее настоянию.

⁶ Василий Петрович Померанцев (1736—1809) — актер московского театра.

⁷ Фраза из монолога Одоардо во 2-м явлении V акта.

⁸ *Редут* — венский бал с особым регламентом, по которому дамы носят маски, а кавалеры нет. Первоначально проходил в редутных залах императорского дворца, потом переместился в оперу.

было видеть с какою важностию немцы и немки танцевали менуэт самый степенный. — Не можешь вообразить себе, как узки здесь улицы; две кареты с трудом могут разъехаться, а дома выше петербургских; чувствуешь даже какое-то стеснение в груди, особливо будучи в первый раз и желал бы в одну минуту очутиться за городом и вздохнуть свободнее на чистом поле.

Всего более радует меня теперь весна, которой однакож я не успел еще насладиться, так как бы мне хотелось. Вам еще долго ждать ее.

21 февраля / 5-е марта.

Я смотрел *волшебную флейту*⁹. Какие голоса, какие голоса мой друг! Не говорю уже о декорациях, которые кажется ничего не оставляют желать, ни о музыке, которая так славна во всей Европе. Новыя картины беспрестанно поражают взор твой. Дикия степи, храмы, зеленыя рощи, рай, ад, шумящие водопады и реки — все так быстро сменяется, все так очаровательно, так волшеббно.

22 февраля / 6 марта.

И едва было не ускакал я из Вены! Вчера призвали нас обоих в канцелярию Графа, и сказали, что один из нас должен быть готов через два дни к отъезду. Нам самим оставили выбирать. Мы оба хотели бы еще пожить в Вене. Но товарищ мой имел причины остаться, которых не имел я; я имел свои причины уехать, которых не имел мой товарищ, и потому я решился¹⁰. Это было по утру; я был не весел; должен был итти к послу, ехать с визитами — все это было мне в тягость, все это еще больше утвердило меня в моем намерении, которого, впрочем, и переменить было уже нельзя, потому что о нем было сказано Графу. —

Но после обеда, когда я освободившись от всех скучных должностей этикета и службы, собрался в театр, и вышел на кре(по)стной вал, где пригрело меня весеннее солнце, когда я сидел в театре и с восторгом смотрел на обвороженную флейту — тогда-то почувствовал я живо, чего я лишусь, уехав так скоро из Вены. Все по-

⁹ «Волшебная флейта» — опера В.-А. Моцарта (1791).

¹⁰ *Товарищ* — вероятнее всего, Константин Яковлевич Булгаков (1782—1835) — государственный деятель и дипломат, в 1802 г. состоял при русской дипломатической миссии в Вене. Булгаков часто упоминается в венском дневнике Тургенева (РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1239). В Вене у Булгакова был бурный роман с Джионой Вигано, сестрой знаменитого балетмейстера Сальваторе Вигано (см.: Андрей Тургенев. Письмо К. Я. Булгакову — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 41. Оп. 138. Ед. хр. 21), напротив того, Тургенев был тайно помолвлен в России с Екатериной Михайловной Соковниной.

казалось мне вдвое, вчетверо привлекательнее; но раскаиваться было поздно. К счастью сегодня мой отъезд отменили, и может быть еще пробуду здесь около месяца.

Сегодня опять был я в театре, и опять имел случай удивляться некоторым немецким актерам, и, конечно, из первых Брокману. Но и Ланге¹¹ — так кажется зовут его — играл превосходно. Отчаяние, отчаяние во всей силе и мрачности изображалось в его виде и голосе, в его положении, когда он узнает об измене любовницы, которой он жертвовал именем, спокойствием своего семейства, счастьем своей жизни, своею честью. —

Когда ужасная мысль о самоубийстве поселяется в его сердце, когда он увещевает семилетнего младенца, сына сестры своей, быть всегда честным, добродетельным, и хранить истину. Он трогал меня до слез. Еще несколько актеров играли прекрасно и умели выразить все тонкие оттенки Ифландовой драматической музыки (это уж слишком по-Карамзински). Играли его пьесу *Der Dienstwille*¹². Я бы желал видеть в ней нашего Померанцева; но и сегодня заметил я, что Брокман играет сильнее: может быть во многих местах был бы он трогательнее. Не менее удивлялся я Ифланду, разнообразию его характеров, которые кажется во всех пьесах различны, и тонкости его наблюдательного духа. Коцебу в этом перед ним очень беден. Все его характеры, особливо невинные, резвые девушки, везде во всех пьесах одинаковы; везде страсть изображается у него в сильных чертах; и от того то может быть пьесы его везде так хорошо приняты, потому что красоты их может чувствовать и самый необразованный человек; между тем как Ифландова пьеса может быть не имела бы никакого успеха на нашем Московском театре. Но в этом случае многое зависит и от актеров, и по моему мнению легче кажется хорошо сыграть пьесу Коцебу, так как я описал ее, нежели пьесу Ифландову. Помнишь как часто мы об этом с тобой разсуждали, и ты был согласен со мною.

Но я все говорю тебе о театре. Право о сю пору говорить больше не о чем. Я бы должен описать тебе мой образ жизни; но я не имею еще никакого образа жизни. Поутру встаю, и не знаю, где проведу наступающий день; ложусь спать и не знаю, что буду делать завтра.

На валу здесь гулянье прекрасное. Вал этот совсем не похож на Московский; гораздо просторнее и уединеннее. Он окружает крепость; виды вокруг его самые привлекательные, но всего больше украшает его теперь наступающая весна.

¹¹ Иосиф Ланге (1751—1831) — венский актер и художник.

¹² Желание служить (*нем.*). Тургенев или переписчик журнала неточно приводит название драмы Иффлада «*Dienstpflicht*» — «Служебный долг».

Здесь очень много красавиц. На улице встречаешь их на каждом шагу. Вообще молодые люди имеют здесь свежий и румяный цвет лица, особенно приятно ходить по улицам в воскресенье поутру, потому что народ ходит толпами, и улицы при том очень тесны.

Давид верно говорил не о немцах, когда сказал: и вино веселит сердце человека¹³. Естлиб ты видел, как немцы пьют самое лучшее токайское вино! Он сидит перед своей бутылкой в глубоком молчании; и вливает в себя самой сладостной нектар гораздо угрюмее, нежели как Сократ выпивал чашу смерти. Какие чудные люди! Но кофий и пиво сгущают кровь их. В трактире со мной обедали четыре очень милые девушки, хозяйские дочери, из которых старшей верно было не больше 17 лет, и что же? им поставили пребольшой графин пива, которое они пили стаканами, почти так точно, как мы пьем воду.

23 февраля / 9 марта

Укладывают мои вещи — я сижу в задумчивости и думаю о том, что здесь без меня будет, особенно, признаюсь, о театре. Может быть скоро будут играть *Бедность и благородство души*¹⁴; я воображаю Брокмана, особенно в последней сцене, и чувствую, что мне очень больно разставаться с Веной. — Сегодня поутру в другой раз объявили мне скорый отъезд.

Я был у обедни, которую отправлял Самборский¹⁵. Не большая комната — церковные утвари сделаны со вкусом; певчие поют тихо и приятно. — После обедни заходил к Самборскому; и долго-долго смотрел на картину, представляющую нашу В. К. Александру Павловну — во гробе, особенно на мертвое лицо ее. *Ainsi s'eteint tout ce qui brille un moment sur la terre!*¹⁶

Обедал сегодня у Графа Варжемона¹⁷, к которому имел письмо и посылку от Тимана¹⁸. Вчера поутру еще заходил посмотреть цер-

¹³ Пс. 103, 15.

¹⁴ «Бедность и благородство души» — пьеса А. Коцебу. На сцене венского театра шла 29 апреля, когда Тургенев уже был в Петербурге.

¹⁵ Андрей Афанасьевич Самборский (1732—1815) — протоиерей и богослов; сопровождал великую княгиню Александру Павловну (1783—1801) в Венгрию.

¹⁶ Так угасает все, что блистает на земле (*франц.*) — цитата из «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо. Тургенев использовал ее в качестве эпиграфа к своей «Элегии».

¹⁷ Граф Людвиг (Луи) Александр Варжемон (ум. 1821) — французский эмигрант, кавалер вюртенбергского двора, в первые годы XIX в. высказывался за более активное участие России в европейской политике.

¹⁸ Иван Карлович Тиман (Johann Wilhelm Ludwig, 1761—1812) — доктор, приятель Ивана Петровича Тургенева, отца Андрея. См. о нем запись в дневнике А. Тургенева (РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 271. Л. 34об.).

ковь Св. Стефана, которая возбуждает благоговение по своей древней величественной архитектуре, и по ее пространству. Во всякое время дня находил я в ней молящихся в глубоком молчании, по большей части на коленях. —

Я как будто в Магический фонарь посмотрел на Вену — передо мною мелькнули все ее здания, театры, кофейные дома, немцы с длинными трубками; мне показали разцветающую весну, зеленеющие поля — вдруг все исчезло, я в Петербурге, у нас зима, прости!